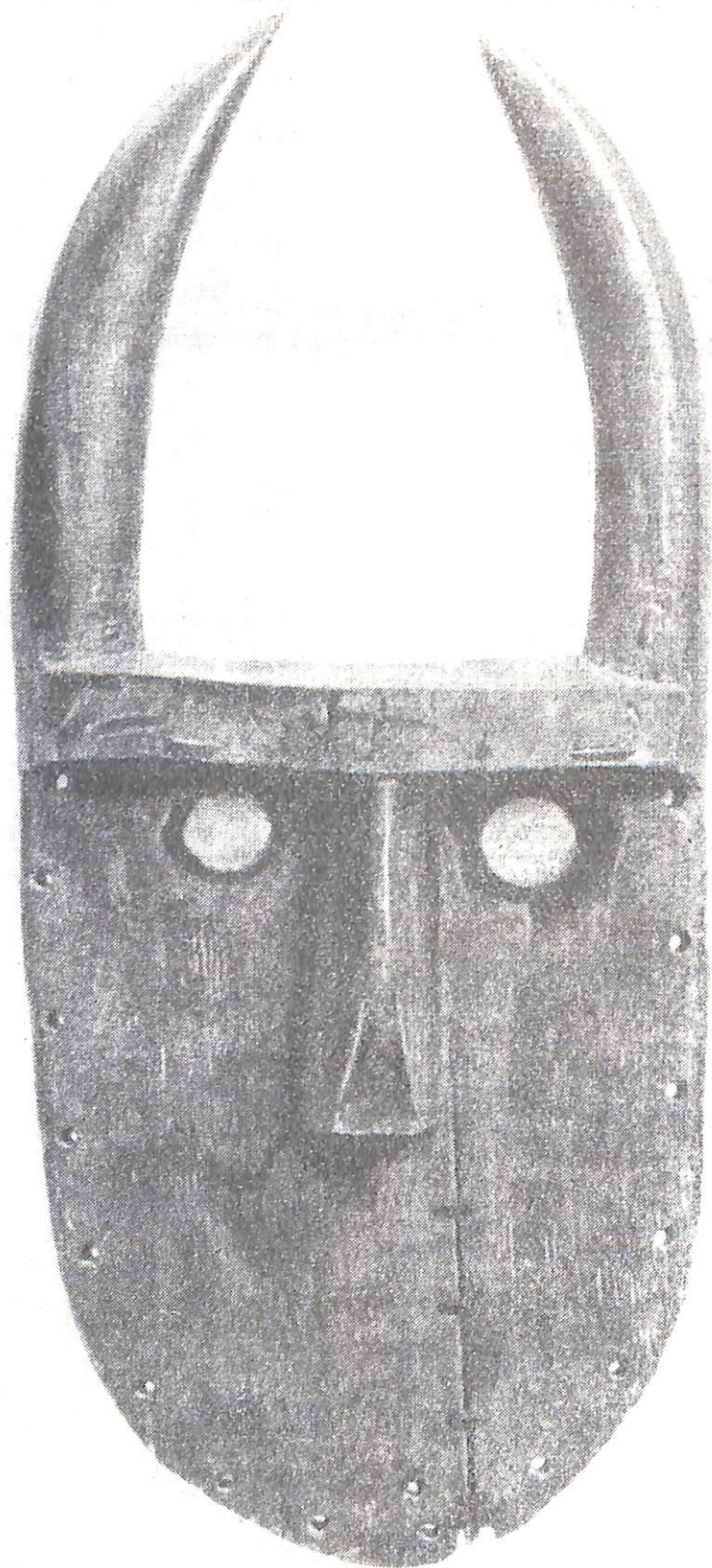

0,12

БЫЛ У МЕНЯ

ДРУГ-АФРИКАНЕЦ

РАССКАЗ

МАЙКЛ ПИКАРДИ

ЮАР

0,89

100p

Она чувствовала себя в Лондоне совсем одинокой. В семь часов вечера она раздвинула цветные занавески и распахнула окно в своей спальне-гостиной. В сумерках, серых, словно кладбищенские надгробья, она увидела, как при выдохе изо рта у нее выплывает белое облачко.

Она снова в который раз перечитала письмо. Щадя ее чувства, он писал, что не любит ее, так как им не хватает «духовного родства». От этих слов ей стало не по себе. Почему же все-таки он не сказал ей правду? Правду — что он от нее устал? Что у нее, у Марты Харт, невзрачная, худая, вытянутая физиономия, тщедушное тело и весьма примитивный ум?

В тот вечер она опять пошла одна на фортепьянный концерт. Но музыку она не слышала. Звук, вызванный к жизни пальцами пианиста, ассоциировался у нее с великими словами, в которые прежде вкладывался огромный смысл любви: красота, сила, созидание, нежность, — и с тем, что окружало эти слова солнечным ореолом.

Она с тоской думала о своем будущем, таком безрадостном и беспросветном: отцу стукнуло семьдесят четыре, мать давно умерла. Когда она родилась, родители ее были уже пожилыми людьми. Марта считала, что ее запоздалое появление на свет было результатом внезапного решения, оно скрасило их возвращение в Англию после долголетней службы отца в колониях. Ребенок так подходил к занятиям садоводством, любимым книгам военных рассказов и скудной пенсии.

На следующий день Марта не пошла на службу. Она позвонила своему начальнику и сказала, что простудилась. Она даже отказалась встретиться со своей подружкой, Хильдой Мэнинг, как та ни уговаривала ее выйти поболтать и договориться о воскресном обеде. Нет, она плохо себя чувствует и никуда не пойдет.

Но она все же вышла из дому. Прошла по Фингли-руд, затем по Хемстед-хиз. В рощице на холме, где рос огромный дуб, покормила белок. Потом на метро проехала в Сити и от Английского банка спустилась пешком к реке.

На уединенном причале позади церкви Святого Магнуса-великомученика за Фишмангерс-холлом она скормила чайкам хлеб и крошки, оставшиеся от белок. Две баржи бесшумно отшвартовались от причала и медленно поплыли по течению на восток, к морю. Ей думалось, что вот так уплывает и ее жизнь. Но она усилием воли отогнала мелькнувшую было мысль о самоубийстве.

Она стояла на причале, пока не стемнело, потом устало побрела назад.

В метро по пути домой она с грустью думала о том, что вот теперь она всегда будет одна ходить на концерты, одна гулять по городу, одна спускаться к реке. Одна, всегда одна! Ей стало страшно. Ночью ей приснилось, будто она упала в глубокую яму, откуда никогда не видно солнца.

Хильда Мэнинг, подруга Марты, всегда была абсолютно уверена: все на свете зависит не столько от того, что ты за человек, сколько от того, с кем ты знаком. Вот, к примеру, ее возлюбленный Джереми Доув, несомненно, получил повышение и занял место главного бухгалтера в рекламном бюро не потому только, что окончил Оксфорд, а потому, что у него прекрасные связи. Его университетские друзья, а вернее, отцы и дядюшки его друзей, создали целую сеть бастионов во всем Лондоне, в провинции, в Британском содружестве и в колониях. Под их контроль попали все должности в англосаксонских коммерческих учреждениях (за исключением, конечно, самых высоких), начиная с конторы какого-нибудь Джона О'Грута в Ирландии и кончая правлением акционерного общества на юге Африки, в Кейптауне.

Возможно, Хильда немного преувеличивала, но факт оставался фактом: Джереми предлагали очень ответственные должности в Нигерии, Гонконге, на Тринидаде. А на днях он получил письмо из Южной Африки. Джонатан Смесер из фирмы «Сант-Эдмунд холл энд боксинг-блю» приглашал Джереми работать вместе с ним в конторе его дядюшки в Йоганнесбурге.

В письме Джонатана было полно жалоб. Он был недоволен своими подчиненными. Он сетовал на правительство африканеров. Местное население, писал он, держится весьма нахально, и для упорядочения положения в стране совершенно необходимо вмешательство английских акционерных фирм. Кстати, не может ли Джереми рекомендовать какую-нибудь девушку-англичанку на место секретарши у них в конторе?

Образец творчества искусных резниц по дереву из племени тома (Гвинея) — маска, олицетворяющая дух кустарника.

Фирма согласна оплатить ей билет на самолет и выдать авансом половину месячного оклада — она потом отработает (всегда лучше заранее поделовому обговорить все детали). Фирма гарантирует, что она будет зарабатывать в Южной Африке намного больше, чем в любой конторе в Лондоне, а стоимость жизни здесь ниже.

Хильда тут же решила: вот то, что нужно Марте. А почему бы нет? Теперь, когда Хильда собиралась замуж, она чувствовала себя обязанной как-то помочь своей подруге встать на ноги, пока к ней не придет настоящая удача. Такое несчастье! Марту увлекли и обманули, она очень одинока, у нее нет семьи, которая могла бы ее поддержать советом, нет денег. Ей необходимо сменить обстановку. И вообще ужасно, что она всегда так подавлена. Такое настроение никогда еще никому не шло на пользу.

В пятницу, когда они по обыкновению сидели вечером в индийском ресторане «Раджа», где всегда встречались, чтобы вместе пообедать и поболтать, она с жаром изложила Марте свой план:

— Ты сейчас немножко выбита из колен, и если ты на меня не рассердишься, дорогая Марта, то я скажу, что единственное, чего тебе сейчас не хватает, — это солнце. Прожить всю жизнь в Англии просто тошно. Поезжай-ка куда-нибудь на юг.

Хильда на минуту прервала свои рассуждения, повернулась к официанту-индийцу и попросила принести ей стакан воды, чтобы потушить пожар, разгоревшийся у нее в горле от куриного плова, слишком уж переперченного. После этого, улыбаясь недоуменному взгляду Марты, она приступила к описанию заманчивого предложения Джонатана Смесера.

Целых шесть недель Марта обдумывала, взвешивала все за и против. Сможет ли она уехать за шесть тысяч миль от дома, в чужие края, где нет ни одной знакомой души? Как встретят ее тамошние жители, эти буры? Возможно, отнесутся враждебно? Не будут ли ей в тягость незнакомые обычаи? Но потом она ясно представила себе солнце и небо, бескрайние просторы, где все дышит величием и покоем, где нет никакой суеты, и вопрос решился сам собой. Только теперь, когда у нее была возможность уехать, она поняла, как сильно ненавидит Лондон, эту гигантскую пресыщенную амебу, расплазующуюся во всех направлениях, этого чудовищного спрута, который пожирает ум, парализует волю, рвет нервы, давит на сердце.

И вот, закончив все приготовления, попрощавшись с отцом и посетив могилу матери на деревенском кладбище, заросшем флоксами и вьющимися розами, она забралась в брюхо битком набитой реактивной «Кометы» и улетела в надежде возродиться вновь в Йоханнесбурге.

ДЖОНАТАН Смесер и его дядюшка оказались весьма предусмотрительными людьми. Они подыскали для Марты квартиру, полную воздуха и солнца, на верхнем этаже современного дома. Первое впечатление от квартиры было такое, будто она вся из стекла. Дом стоял на холме Хиллброу, откуда открывался чудесный вид на весь город, на видневшиеся вдалеке горы, и надо всем этим сияло небо. Шутка ли сказать: квартира располагалась на высоте шести тысяч футов над уровнем моря.

— Поближе к раю небесному, — сказала Марта Джонатану.

Они рассмеялись.

Солнце, солнце! Она не помнила, чтобы раньше когда-нибудь была такой счастливой, как на следующий день после приезда в Йоханнесбург. Вместе с женой Джонатана она пошла в магазин и купила себе купальные костюмы, чудесные летние платья, соломенную шляпу и босоножки.

Вечерами после работы и в уик-энд Джонатан возил ее в дом своего дядюшки. Там в саду был плавательный бассейн, окруженный зеленой лужайкой. На клумбах цвели георгины. Вечерами воздух был наполнен ароматом джакаранды, мимозы, жимолости и магнолии. Прохлада нежно ласкала ее горячие щеки и обнаженные руки.

В одну из суббот они устроили пикник в саду. Черные слуги в белоснежных перчатках обносили их домашней колбасой, мансовым хлебом, кейп-тассенбургским вином. Потом она купалась в бассейне. Была уже ночь, и отражение луны, дробясь на кусочки, плескалось вместе с ней в воде.

Да, думала она, жизнь снова расправляет крылья!

У сослуживцев своих она вызывала затаенное любопытство. Ее лондонский выговор, манеры, бледная кожа, которая от солнца стала воспаленно-красной, — все выдавало в ней англичанку, привлекало к ней внимание. Ей нравилась эта внезапная, хоть и скромная, популярность. Было приятно сознавать, что ее считают здесь необычной, отличающейся от других, и она сопоставляла это со своим невысоким мнением о собственной персоне.

НАСТУПИЛА зима. Но солнце, теперь уже медно-золотое, по-прежнему заливало своими лучами ее квартиру. Почти пять месяцев — с мая по сентябрь — на небе не было ни единого облачка. Только вместо ярко-голубого оно теперь приняло зеленоватый оттенок — цвета морской воды. Ночи стали прохладными. Уверившись, что Марта уже освоилась, Джонатан Смесер предоставил ее самой себе. Молодые люди, которых она встречала у бассейна дяди Джонатана, тоже перестали заезжать к ней, кончились приглашения покататься на машине или принять участие в пикнике. Теперь Марта снова часто и подолгу рассматривала свое лицо в зеркале. Ей было уже двадцать семь.

Иногда мелькала мысль: а где же здесь, собственно, Африка? Из окна спальни, выходившего на юг, она видела небоскребы, принадлежавшие владельцам шахт и коммерческих предприятий. Строгие громады из стекла и стали с плоскими крышами тянулись к небу, будто указывая, где нужно искать ответ. За ними сквозь клубы дыма просматривались бетонные корпуса заводов, какие-то сооружения из треугольных конструкций в районе копей, груды желтой руды наподобие пирамид древней Мексики или Египта. Все это олицетворяло собой новую действительность, творение рук человеческих. Единственным зеленым пятном в этом индустриальном пейзаже были посадки строевого леса. Озера и те были перегорожены дамбами. Здесь промывали золотую руду, оставляя горы отработанного песка. Реки служили только промышлен-

ным целям. А за окном, выходящим на север, тянулись утопающие в садах поместья белых предпринимателей, выделявшиеся на теле дикой, поросшей кустарником степи, как куски пересаженной кожи.

Она старалась не пропускать редкие фортепьянные вечера, хотя потом ее каждый раз удивляла абсолютная неуместность музыки обожжаемых ею композиторов здесь, в центре индустриального острова, окруженного Африкой.

Она никак не могла совместить воедино мазурки Шопена и легкие изящные миниауры Дебюсси с огромными девственными африканскими просторами, реками с загадочными названиями Лимпопо, Замбези, Конго, со львами и крокодилами и с этими рослыми черными людьми, бьющими в барабаны.

ПОСЫЛЬНЫМ у них в конторе служил двадцатипятилетний африканец. Никто из служащих фирмы не помнил его имени. Все звали его просто «бой» или «туземец». Его настоящее имя, Амос, значилось только в пропуске, выданном ему департаментом по делам управления и развития банту. Правда, это был весьма важный и необходимый документ, сам мистер Смесер-старший подписывал его раз в месяц, хотя никогда не интересовался его содержанием.

Марта обратила внимание на африканца потому, что он имел пристрастие к книгам. Он всегда читал во время обеденного перерыва в маленькой комнатке позади конторы. В этой комнатке обычно готовили чай, здесь же на копировальной машине размножались всевозможные деловые бумаги.

Марту поразило, что у служащего-африканца не было своего определенного места. Он или стоял возле стола справок, приклеивая марки к конвертам и сортируя почту, или мыл грязные чашки, или следил за работой копировальной машины.

Однажды в обеденный перерыв Марта предложила ему присесть за стол мисс Гроблер. В конторе не было ни души, он никому не мешал. Улыбнувшись, Амос поблагодарил ее, но сесть отказался, пробормотав на языке банту какие-то непонятные слова.

Через два дня она увидела Амоса на обочине тротуара у входа в итальянское кафе, куда она обычно заходила днем перекусить и выпить чашечку кофе, приготовляемого в специальной кофеварке на пару. В руках у него, как всегда, была книга. На бумажной обложке крупные черные буквы: «Большие ожидания». Рядом на тротуаре, поджав под себя ноги, сидели другие африканцы — играли в шашки, жевали хлеб, запивая его пепси-колой. И она вдруг поняла, что им просто некуда больше пойти в обеденный перерыв — на всех дверях ресторанов, клубов и даже на скамейках в парках висели таблички «Только для европейцев».

В тот день она все же набралась храбрости и спросила у Джонатана Смесера, почему у Амоса в конторе нет своего стола. Вообще-то говоря, сказала она, чуть порозсвев от смущения, ведь и его работа, пусть даже самая примитивная, является частью повседневных дел конторы, которые выполняют и она, и мисс Гроблер, и мисс Макензи.

Хорошо поставленным, натренированным в Оксфорде голосом Джонатан заговорил с ней

так, как обычно разговаривают с ребенком, которому вдруг взбрело в голову обедать в ванной, а мыться — в гостиной.

— Э... видите ли... вряд ли это будет удобно в данной ситуации, не так ли? Нет, я, конечно, целиком и полностью на вашей стороне, но равенство — это одно, а условности — другое. Вам ведь хорошо известно, как к этому отнеслись бы мисс Гроблер и мисс Макензи.

Он откашлялся, закурил еще одну сигарету, и вдруг пригласил ее пойти в пятницу вместе с ним и его женой в кино «Эмпайр»: «Там будет восхитительный фильм с убийствами». Однако заметив, что Марта не удовлетворилась этим, он снова возвратился к неприятной теме.

— Дорогая моя Марта, разрешите заверить вас, что я и, конечно, мой дядюшка, — мы вовсе не против. Он, конечно, мог бы иметь свой стол в конторе, мы бы сделали это с величайшим удовольствием, но...

Она не стала больше задавать вопросов, вернулась на свое место и принялась печатать на машинке. Как это плохо, думала она, когда вошедшие в привычку нормы и, главное, оглядка на мнение других рожают в людях покорность и душевную слабость.

Ее терзало непонятное ей самой беспокойство. В Англии, как ей казалось, все одинаково терпимо относились к расовым проблемам. Там разное отношение к тем или иным явлениям воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Там можно было высказать свое, идущее в разрез с другим мнением, не навлекая на себя злобного раздражения со стороны общества, хотя у некоторых представителей этого общества цивилизованность была лишь тонкой оболочкой и она частенько испарялась даже под лучами холодного лондонского солнца.

ПРОШЛО несколько дней, и Амос подошел к ней с просьбой объяснить непонятное ему английское идиоматическое выражение. Марта растолковала как могла. Ее поразила его способность все схватывать на лету. А ведь он, она знала, еще в пятнадцать лет расстался со школой из-за того, что родителям его было не под силу платить за обучение, и с тех пор учился сам.

Постепенно у нее вошло в привычку заходить в маленькую комнату за второй чашкой чая и подолгу беседовать с Амосом. Говорить с ним было куда интереснее, чем слушать мисс Гроблер и мисс Макензи, щебетавших о фасонах платьев, свиданиях, вечеринках и новых фильмах. Здесь же она ощущала какое-то родство душ. К своему удивлению, Марта почувствовала, что начинает смотреть на мир другими глазами, глазами черного, глазами «туземца».

Рассуждая об Англии времен Диккенса, она с удивлением обнаружила, что говорит гладко и красноречиво — раньше и не подозревала за собой таких талантов. Англия! Как же ясно и реально представлялась она ей отсюда, с расстояния в шесть тысяч миль, и насколько живописнее и ярче становилась эта страна в воображении конторского посыльного-африканца.

— Вам нужно тщательно проработать заочный курс, и я вам в этом помогу, — сказала вдруг Марта тоном приказа.

Он, казалось, удивился такой ее настойчивости. Но Марта знала, что если он станет упор-

но заниматься, то за год сумеет сдать экзамены за среднюю школу. А потом он поедет в Англию, где его ждет свобода от ежедневных унижений, где ему представится возможность продолжать учиться, где для него откроется новый мир. Да, она покажет ему Англию!

Она старалась убедить его, что с ее стороны это никакая не благотворительность. Нет. Ей просто хочется помочь ему. Она вглядывалась в его лицо и думала: неужели за этим бесстрастным выражением скрывается подозрительность? И тем не менее повернуть назад уже было нельзя.

Она предложила встречаться через день после работы. Он мог бы приводить с собой и других своих соотечественников, которые тоже хотят учиться. Он запротестовал. Им ведь, собственно, и негде встречаться. Он живет в небольшом городке Орландо, в десяти милях от Иоганнесбурга, европейцам появляться там вечером без специального пропуска запрещено, да и просто небезопасно. А о том, чтобы там оказалась вечером белая женщина, нечего даже и думать.

— Ну что ж, тогда остается лишь один выход. Вы будете приходить ко мне домой.

Она почувствовала гордость от того, что опять употребила повелительную форму. Первый раз в жизни, если ей не изменяла память, она говорила кому-то, как он должен поступать.

Амос, казалось, был в нерешительности. Через два дня он согласился. Сказав «да», он посмотрел ей прямо в глаза. Потом улыбнулся, как мальчик в предвкушении какого-то удовольствия. От радости ей хотелось сжать его в объятиях. Прямо в этой маленькой комнатке. Но она продолжала стоять чинно, прислушиваясь к ритмичному гулу копировальной машины.

В пять часов вечера они вместе вышли из конторы, сопровождаемые любопытными взглядами мисс Гроблер и мисс Макензи. В ожидании лифта она пристально разглядывала его. Он не очень черный, в люминесцентном свете, льющемся с потолка коридора, кожа его блестит, отливая каштаном. Она перевела взгляд на свои руки. Сквозь голубоватую белизну просвечивали вены. Веснушки под загаром стали меньше заметны. Нервным движением она погладила запястья. Она подумала о тайнах его черного тела, потом заставила себя отогнать эти мысли.

По людной улице они дошли до трамвайной остановки. Он что-то говорил, но она не улавливала смысла слов, целиком поглощенная хмурыми взглядами прохожих. Он повторил: ему придется пройти пешком до следующей остановки. Там, у Маркет-стрит, проходит трамвай для «неевропейцев». Она резко ответила, что подождет его на углу Котс-стрит и Твист-стрит, в том месте, где трамвай, поднявшись в гору, сворачивает в сторону Берега и идет к обсерватории. Они расстались.

К остановке Хилброу она приехала первая. Прошло минут двадцать, она пропустила уже шесть трамваев для белых. Лишь после этого подошел вагон для «неевропейцев». Амос прыгнул и подбежал к ней, застенчиво улыбаясь.

По дороге она заглянула еще в магазин купить что-нибудь к ужину. Амос ждал ее на улице. Наконец, они дошли до дома. В подъезде было два лифта. Она резко толкнула его в лифт для европейцев и улыбнулась ему с облегчением. Он про себя возблагодарил бога за то, что в лиф-

те не оказалось других белых. Он думал об Англии, о Диккенсе, Шекспире, о Китсе и Шелли, об этой странной женщине. Математика давалась ему легко, а вот с английским он почему-то никак не мог справиться, хотя со временем, он уверен, сумеет одолеть и английский. Как она великодушна, эта женщина, и как опрометчиво она поступает. А это белое тело, полное тайн, совсем рядом, лишь протяни руки... Нет, он не воспользуется ее доверием, не употребит его во вред ей. Он только хочет слышать ее голос, необыкновенные слова, которые идут от самого сердца.

МЕСЯЦ спустя, когда они заканчивали двенадцатый урок, в дверь ее квартиры вдруг резко постучали. Марта удивилась. В десять часов вечера! Еще никто не заходил к ней так поздно. Она открыла дверь и увидела большого, сильного человека в серой фетровой шляпе, в спортивном твидовом пиджаке и мешковатых серых брюках. На крупном круглом лице блестели голубые, широко поставленные глаза. От посетителя резко несло бренди.

— Вы Марта Харт? — спросил он.

Она утвердительно кивнула.

— Я полицейский сержант ван Тондер, — он протянул удостоверение в кожаной обложке. — Мне хотелось бы осмотреть вашу квартиру и поговорить с вами.

Он взглянул через ее плечо. Из коридора не было видно гостиную. Он нахмурился.

— Что вам нужно? — спросила она.

От страха во рту у нее появился горький привкус. По спине забегали мурашки. В горле вдруг пересохло.

— Пока вам нечего беспокоиться, леди. Давайте-ка войдем в квартиру...

Отодвинув ее в сторону, он бесцеремонно двинулся вперед.

Амос тихо сидел на диване, покрытом мексиканским ковриком. Полицейский, казалось, ничуть не удивился, увидев его здесь. Он только спросил:

— Пропуск?

Амос протянул коричневую книжечку и установил ее в стену.

— А где специальный пропуск? — спросил полицейский, перелистав книжечку.

— Нет, — ответил Амос.

— Так. Чтобы иметь право находиться в белом районе после комендантского часа, нужен специальный пропуск. Так.

Он что-то крикнул, выглянув в коридор. Оттуда появился констебль-африканец, одетый в форму хаки, с тропическим шлемом на голове.

— Что вы делаете?.. Куда вы его тащите?.. Вы не смеете!..

Ей казалось, что все это происходит во сне.

— Арестован за нарушение правил о пребывании туземцев в городских районах и закона о пропусках.

— Но он мой друг. Он пришел сюда заниматься. Вы не имеете права...

Голос ее дрожал, она двинулась следом за Амосом к двери.

— Останьтесь здесь, леди. Я должен с вами поговорить.

Она беспомощно смотрела, как уводили Амоса. В дверях он обернулся, и они взглянули друг другу в глаза. Ей хотелось молить о прощении,

как будто вся ответственность за случившееся, за обманутые ожидания и за это унижение лежала на ней. Ей было стыдно. Ведь он мог подумать, что это вторжение было просто отплатой за его невниманье к ней, что все это она сама подстроила, а может, и привела его к себе специально, чтобы предать в руки полиции, — ведь он черный, а она?.. Она не то чтобы любила его, нет, он ей даже не нравился. Просто она завела с ним непристойную интрижку ради забавы, ради любопытства, ради желания узнать, а каковы они, черные.

Дверь за ним закрылась.

Полицейский втянул в себя воздух, приняв ваясь, и стал ходить по комнате, осматривая вещи, стол. На белом, выложенном кафельной плиткой камине он заметил два кружка от рюмок и светло-коричневые пятна пролитого вина. Он потрогал их и поднял палец к носу. Затем повернулся к ней, тяжело и печально вздохнул. Этот вздох означал, что он сознает всю тяжесть ответственности, которую ему приходится нести по роду своей службы. Он приподнял ковер, заглянул под диван и вытащил оттуда две рюмки.

— Херес? — сказал он, понюхав остатки вина.

Она ничего не ответила.

— Значит, вы поили его спиртными напитками?

— Какое вы имеете право... — Наконец-то гнев взял верх над сдерживавшим ее страхом. — Как вы смаете являться в частную квартиру подобным образом? Вы... Кто ваш начальник?

— Начальник здесь ни при чем, леди. Существует специальное разъяснение к статьям уголовного кодекса «Подозрение в совершенном или совершаемом нарушении закона о потреблении спиртных напитков». Вы ведь англичанка? И никто вам не сказал, как все это называется? Приезжают вот всякие, нарушают законы, создают беспорядки. А ведь он туземец. Он — кафр.

Последнее слово он произнес с особым ударением, чтобы еще точнее выразить его смысл, и, замолчав, уставился на нее холодным взглядом.

— Странное место для хранения рюмок. Под кроватью! Вы ведь здесь спите? А что еще вы храните под кроватью?

— Замолчите!

— Ну ладно, леди. Пройдемте-ка со мной. Вы арестованы за нарушение закона о спиртных напитках. За спайвание туземцев.

Колени у нее подкосились, руки задрожали, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Страх, гнев, стыд и горькое чувство унижения слились воедино. Она стала протестовать, что-то бессвязно кричала, топала ногами. Она готова была вцепиться в его толстую красную шею, сбросить этого полицейского с лестницы, лишь бы отделаться от него, стряхнуть с себя чудовищный гнет, вызванный его присутствием, законами государства, представителем которого он был. Он подождал, пока она успокоится, и, сказав в утешение, что из полицейского участка она сможет позвонить адвокату, повел ее к лифту. Возле дома стоял американский «Форд» с закрытым кузовом. Амос сидел на заднем сиденье с констеблем-африканцем, Марта с белым полицейским села впереди.

Они предстали перед судом магистрата, разбившим их дела порознь. Приговор, вынесенный Амосу, гласил: за нарушение правил о пропусках штраф в размере двух фунтов стерлингов или десять дней тюремного заключения. Суд не вы-

зывал свидетелей, ограничившись показаниями полицейского. Амос признал себя виновным. Так было быстрее и дешевле. Случай был самый обычный. Сотни подобных дел слушались в судах еженедельно. И все признавали себя виновными.

Дело Марты оказалось более затяжным, потому что здесь уже были и дознание, и перекрестный допрос, и показания свидетелей. Управляющая кварталом, где жила Марта, начала свои показания с того, что за прошедший месяц она много раз видала, как какой-то туземец заходил в квартиру обвиняемой. Она, конечно, не могла одобрить подобных визитов. Ведь это создает плохую репутацию всему дому! Свое мнение она высказала доверенному лицу, поставившему в известность об этом домовладельца, а тот, в свою очередь, заявил в полицию. В ночь на двадцать пятое в квартиру был послан полицейский сержант Дж. ван Тондер.

Давая показания, ван Тондер сообщил суду, что застал этих двух наедине (волнение среди публики на переполненной галерее) и обнаружил под кроватью две рюмки из-под хереса.

— Откуда вы узнали, что там был херес? — задал вопрос адвокат.

— Это был запах именно хереса.

— Видели ли вы, как они пили?

— Нет.

— Не могло ли быть так, что она пила с кем-нибудь другим до прихода туземца?

— Могло.

— Какие же тогда есть у полиции основания считать, что имело место нарушение закона?

— Кому нечего бояться, тот не прячет рюмки, — заявил полицейский.

— Однако, — возразил адвокат, — люди иногда совершают необдуманные поступки в состоянии паники из опасения, что их действия могут быть превратно истолкованы — что, впрочем, и сделала полиция.

— Нет, — заявил сержант, — никакого страха в тот момент обвиняемая не испытывала, она сама признала в полицейском участке, что даже не подозревала о существовании закона, запрещающего давать туземцам спиртные напитки.

— А как вел себя туземец? Он-то наверняка знал о законе и поэтому мог быть в состоянии панического страха.

На этот вопрос полицейский не дал ответа, и адвокат сел на свое место торжествуя.

Во время допроса Марта показала, что является подданной Великобритании. В Южной Африке живет всего восемь месяцев. Она призналась, запинаясь (и боясь утверждать это), что была недостаточно осведомлена о нормах нравственности и законах этой страны. Она давала уроки английского языка этому африканцу.

Затем к перекрестному допросу приступил обвинитель. Он задал Марте лишь один вопрос:

— Заявляла ли обвиняемая сержанту полиции ван Тондеру по пути в полицейский участок, что считает этот закон чудовищным и рада преступить его?

Адвокат вскочил на ноги. Но суд отказался выслушать его возражения. Все присутствующие в зале суда напрягли слух и насторожились.

Марта нервничала. Насколько она могла припомнить, он сказала полицейскому сержанту, что «была бы рада нарушить», а не так категорично: «Рада нарушить закон». Адвокат советовал ей придерживаться именно такой формы ответа.